

Граина

Стеклова

АДОЛЬФ ЯНУШКЕВИЧ И ЕГО КНИГА

Удивительны бывают порой судьбы писателей и их произведений! История же Адольфа Янушкевича и его книги «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» не только удивительна, но и глубоко драматична.

В жизни Янушкевича было два совершенно не похожих один на другой периода. Первый, до 1831 года, – семья, университет, друзья, любимая невеста, родина, путешествия за границу, мечты о будущем... 1831 год стал в его жизни переломным: участие в восстании, тяжелое ранение, плен. А потом начался второй период: тюрьма, многоверстные дороги в неизвестную даль с кандалами на ногах, суд, ссылка. Двадцать пять лет ссылки. Все в прошлом. И горестное свидание с родными у самого края жизни.

Судьба книги тоже необычна. Она вышла давно, более ста лет назад, но была известна лишь небольшому кругу лиц. А до своего настоящего читателя она дошла только теперь.

Детство и юность Адольфа Янушкевича, родившегося в Несвиже (бывшей Минской губернии) в 1803 году, прошли в семье, где старшие часто вспоминали, что они сражались за свободу и независимость Польши в войсках Тадеуша Костюшки. Вспоминали с тем большей гордостью, что Костюшко приходился близким родственником матери Адольфа.

Восемнадцатилетним юношей, окончив Винницкую гимназию, Адольф поступил в Виленский университет на филологический факультет. Университет в Вильне жил в те времена бурной, напряженной жизнью: там под руководством Адама Мицкевича существовала тайная организация филоматов¹, тесно связанная с Лелевелем², с русскими декабристами. Филоматы создавали многочисленные кружки филаретов под названиями «голубые», «розовые» и т. п., стремясь разжечь среди студенческой молодежи искру национально-освободительной борьбы. Адольф не остался в стороне; он стал участником кружка «голубых» и убежденным пропагандистом свободолюбивой поэзии Мицкевича.

По окончании университета Янушкевич вернулся в родные места, позднее поселился в Подолии. Казалось, все пророчило ему счастливую будущность: и

¹ Филоматы и филареты – любители науки, вольнолюбивая организация студентов в Виленском университете в начале 20-х годов XIX века, разгромленная царским правительством.

² Лелевель Иоахим (1786–1861) – выдающийся польский историк и революционный деятель, один из вождей восстания 1830–1831 гг.

доверие сограждан, избравших его депутатом сейма, и любовь очаровательной девушки Стефании, и уважение родных.

Немного беспокоило здоровье: ему едва минуло 25 лет, а доктора уже советуют лечиться на водах. И вот Адольф в Карлсбаде. Впрочем, много ли надо молодому, неистощенному организму, чтобы поправиться? А потом – увлекательное путешествие по Европе: Вена, Италия, Швейцария, Германия, Франция. В Риме он повстречался со своим великим земляком Адамом Мицкевичем и его друзьями. Молодые люди быстро нашли общий язык и дальше уже путешествуют вместе. Их соединяло многое: и мечты о будущем Польши, об участии в освободительной борьбе своего народа, и любовь к литературе.

О том, какое впечатление произвел Янушкевич на великого поэта, лучше всего свидетельствует тот факт, что он стал прототипом образа «Адольфа из Варшавского салона» в драматической поэме А. Мицкевича «Дядя». Поэт вкладывает в уста Адольфа рассказ об узнике царизма. И какими же пророческими по отношению к рассказчику явились эти слова:

Я помню узников рассказы о неволе,
Я думал – о своей и он расскажет доле,
Опишет подвиг свой, геройские дела
Сынов родной земли, которых погребла
Рука тирана там, в узилищах Сибири,
Где Польши летопись полней, чем в целом мире.

Пер. В. Левика.

Шел по Европе революционный 1830 год... Янушкевич возвращался домой через Париж и Брюссель, где уже ощущались подземные толчки будущей революции. Встречи с Лелевелем в Варшаве решили судьбу юноши: отныне его долг – борьба за освобождение родины. Едва лишь добрался он до родных мест, как туда прилетела весть о восстании в Варшаве. И, не успев даже обнять родных и друзей, Адольф вместе с братом Евстахием тайно переходит Неман и добирается до восставшей столицы.

Янушкевич горячо любил свою родину, он без колебаний становится одним из самых активных деятелей повстанческого движения, с оружием в руках борется против войск российского царизма. В одном из сражений он вместе с товарищами был окружен превосходящими силами неприятеля и тяжело ранен. Семь ранений, настолько тяжелых, что он потерял сознание и упал с лошади. Друзья, видевшие это, решили, что он погиб. Но Янушкевич был взят в плен и выжил.

Пленных отправили пешком через Брест и Москву к далекой Вятке. Было у Адольфа на этом крестном пути лишь одно светлое мгновение: свидание с матерью. Это было в 1831 году. В следующий раз он увидит ее только через двадцать пять лет!

Из Вятки снова в дальнюю дорогу – на суд в Киев, куда он прибыл в конце 1831 года.

Вот он стоит перед следственной комиссией, возглавляемой фельдмаршалом Сакеном, известным своей жестокостью. Напрасно судьи стараются заставить его признаться в том, что «действовал он бессмысленно». В ответ они слышат: «Что сделал – то сделал сознательно, по доброй воле, по искреннему убеждению,

что каждый настоящий сын отчизны должен посвятить ей всю свою жизнь»³. Он почитал это своим святым долгом! Вот почему в длинном списке «польских мятежников» и «политических преступников»⁴ он был отмечен, как один из самых упорных и закоренелых в своем «преступлении».

Приговором от 4 марта 1832 года Адольф Янушкевич был лишен дворянского звания с конфискацией имущества и сослан на поселение в Сибирь.

В мае 1833 года Янушкевич оказался в Тобольске. Поскольку он принадлежал к категории «политических преступников», ему пришлось испытать на себе всю тяжесть «руки карающей» царского правосудия: в отличие от уголовных поселенцев политические не могли работать или служить, передвигаться с места на место, они обязаны были являться в определенные сроки в полицию для регистрации. Но жизнь в Тобольске была бы сносной, если бы там можно было остаться. Увы! Вскоре по прибытии Янушкевича в Сибирь был раскрыт заговор ссыльных революционеров, так называемое «Омское дело». Горячие головы решили поднять восстание и пробить себе дорогу через Бухару и Индию в Европу. И хотя Янушкевич не был причастен к этой группе заговорщиков, репрессии посыпались на виновных и невиновных. Адольф был выслан из Тобольска, о чем он сообщает в письме к матери с грустным юмором: «10 декабря оставляю Тобольск и еду в Ишимский уезд, в деревню Желяково... Купил себе огромные сани и, упаковавши себя самого и все свое имущество, накопленное за это время, скоро двинусь в дальнюю сторону. Буду теперь, как скромный крестьянин, сажать репу где-нибудь на берегах Ишима или Карасу...»⁵

Кажется, в ссылке Янушкевича увлекает все, что происходит вокруг. Он ездит на охоту, занимается хозяйством, переводит с английского «Историю завоевания Англии норманнами», читает литературные русские и иностранные журналы, интересуется общественной и политической жизнью, жадно ловит новости. Но одновременно он живет в мире грез и мечты, воспоминаний о далеком прошлом. В этой его жизни огромную роль играет переписка с милыми сердцу родными и друзьями. Насильно отторгнутый от привычного круга, культурной жизни, заброшенный в далекий суровый край, он оставил свое сердце там, за Неманом.

Он пишет им часто, почти ежедневно. И несмотря на то что письма идут долго – они в пути месяца полтора, – между адресатами протягивается тонкая, но крепкая нить, связующая страждущие сердца. Они сообщают друг другу о разных милых мелочах личной жизни, о болезнях, о происшествиях со знакомыми. Но это только внешне. За этими строчками такое щемящее страдание, что кажется: вот-вот оборвется нить горестным возгласом: «Не могу больше!»

Еще в Тобольске Адольф получил от невесты кольцо – свидетельство решимости, несмотря ни на что, выйти за него замуж. Но годы уходили, надежды рушились: сколько он еще тут пробудет? Адольф не мог примириться с тем, что из-за него похоронит себя в глуши юная возлюбленная, он должен страдать один... Постепенно он внушает ей мысль, что нужно расстаться. У него даже хватает силы написать матери с некоторым юмором после того, как было отослано невесте кольцо: «Окончился роман, за который господин Бальзак мог бы, описав

³ Zywoł Adolfa Januskiewicza. Berlin, 1875. T. 1. S. 13. – Перевод здесь и далее мой. В дальнейшем по техническим причинам источник указывается в русском переводе.

⁴ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 4174, л. 824.

⁵ Жизнь Адольфа Янушкевича. Берлин, 1875. Т. 1. С. 30.

все в четырех томах, получить 30 тысяч франков». Но горечь прорывается сразу же: «А я... что мне осталось? Воспоминания... одни воспоминания...»⁶

В 1835 году Адольфу Янушкевичу было разрешено переехать в Ишим, где к этому времени обосновалась большая колония ссыльных поляков. Адольф обладал счастливой способностью собирать вокруг себя людей хороших, душевных, гуманных. Сосланный сюда же поэт-романтик Густав Зелинский нашел в нем подлинного друга. Зелинский уже уедет на родину, а переписка с Янушкевичем будет продолжаться еще много лет; письма к Густаву составят, пожалуй, одну из самых интересных страниц ныне публикуемой книги.

Когда стало ясно, что жить в Ишиме придется долго, он купил небольшой домик, в котором «клетушек много, и будет тепло, когда подремонтируем, потому что, правду сказать, это просто развалина. Дом стоит как-то набекрень, словно шапка у улана, уличная стена выпятилась, как большой живот, окна смотрят хмуро... Но что можно приобрести за такие деньги?»⁷ В этом домике из присылаемых ему из дому книг и журналов Янушкевич создал для ссыльных небольшую библиотеку.

Присутствие духа, неистребимый юмор не оставляют этого замечательного человека. Когда начинают одолевать тяжелые мысли, он берет в руки пилу, топор или молоток и идет во двор – чинит, рубит, строгают, приводя в порядок свой развалившийся домишко. Тоске нельзя поддаваться! – иначе она задавит, а он живет надеждой, что еще обнимет своих близких.

Уходили дни, месяцы, годы... Так прошло восемь лет. В 1841 году вышло «послабление»: можешь стать солдатом или чиновником. Из двух зол Янушкевич выбрал меньшее – с августа этого же года становится канцеляристом Омского окружного суда. Впрочем, в суде он пробыл недолго, осенью его переводят на службу в канцелярию начальника Пограничного управления «сибирскими киргизами». Работа приносит ему некоторое удовлетворение, он надеется заслужить облегчение своей участи – разрешение вернуться на родину. Здесь он знакомится с казахским языком, ездит в далекие служебные командировки по делам Управления, становится секретарем Комитета «по уложению проекта киргизского права».

Уже во время первой поездки в июне 1843 года Адольф влюбился в казахские степи. В письме к матери от 2 июля, возвратившись из командировки, он пишет: «Я переезжал через высокие горы, одетые лесами и населенные медведями, маралами, лосями и оленями, вплавь перебирался через реки, не ведомые никому в Европе, а над ними, впервые за двенадцать лет, услышал я милое пенье соловья... Я видел киргизские племена, кочующие в составе тысячи и более юрт на протяжении 25–30 верст, покрытых косяками коней, верблюдов, баранов и рогатого скота чудной красоты... Встречал купеческие караваны, идущие из Ташкента и Коканда, стада сайг, диких коней, называемых куланами... Наконец, должен был узкой степной дорогой лететь через пылающую степь. Разве все это не интересно? Разве не интереснее, чем вид немецких полей, засаженных картофелем, или неаполитанских лаццарони, объедающихся макаронами? Здесь я нигде не видел посевов, не встречал заборов, вокруг – бесконечный простор. Дышал полной грудью, как араб в пустыне»⁸.

⁶ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 1. С. 49.

⁷ Жизнь Адольфа Янушкевича. С. 52

⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 1. С. 132–133. В книге оставлены прежние наименования казахов

В 1845 году Янушкевич снова побывал во владениях Средней орды, а в 1846 году в составе экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Вишневым, надолго покидает Омск и уезжает в казахские степи.

Предыстория этой поездки изложена у самого Янушкевича так: в мае 1846 года в Омск приехал посол Большой орды и передал просьбу пяти племен о принятии их в российское подданство. Посол ссылаясь на ряд причин, в частности, говорил о желании жить мирно и избегать междоусобных раздоров, разжигаемых известным в те времена султаном Кенесары Касымовым. Экспедиция, выехавшая из Омска, имела несколько задач, но главной была встреча на реке Лепсе с руководителями пяти племен Большой орды.

В мае выехала группа, которой предстояло разобрать одно спорное дело, а позднее, после встречи на Лепсе, произвести перепись населения и скота во владениях Средней орды. Группу возглавлял друг Адольфа Виктор Ивашкевич, сосланный за организацию польского тайного общества «Черных братьев» и сочинение «возмутительных писем и стихов»⁹.

Янушкевича осенила блестящая мысль: ежедневно записывать наиболее интересное из того, что он будет наблюдать, а кроме того, писать своим родным и друзьям подробные письма о своем путешествии. Его, конечно, тешила мысль: когда-нибудь все эти письма и записи увидят свет...

И вот день за днем ведутся записи. С любой оказией отправляются письма в Польшу или друзьям в Сибирь.

Пять долгих месяцев – от первых майских дней, когда степь зеленела яркой и свежей травой, до прихода жестокой стужи и ветров в уже высохшую степь – колесит он по бескрайним просторам от Иртыша до «снежной стены Ала-Тау», обратно к Тарбагатаю и китайской границе, затем спускается к озеру Балхаш. В октябре путешествие закончилось, экспедиция вернулась в Омск. Снова утомительная канцелярская служба, многочасовое сидение в присутствии... Годы проходят, слабеет надежда на освобождение. Работа начинает тяготить, одолевают болезни, особенно плохо со зрением. Осенью 1849 года Янушкевич уволился с работы в Пограничном управлении в чине коллежского регистратора. Он пробыл в ссылке уже 18 лет. Хлопочут за него в Петербурге не только родные, но и знакомые родных, влиятельные люди. Тщетно.

Письма Адольфа в эти годы полны печали: «Мое будущее представляется во все более грустных красках. И ничего удивительного! Старость, слабость, ухудшение здоровья и столько раз обманутые надежды. Разве это не является достаточной причиной, чтобы наполнить сердце изгнанника такой тоской, которая велит ему на все смотреть мрачным и недоверчивым взглядом»¹⁰.

Теперь в его письмах все меньше и меньше проявляется интереса к жизни. Стареющий, одинокий (все друзья давно получили освобождение и уехали), он оставался в изгнании. Единственным утешением в последние годы ссылки стали цветы: Янушкевич с необыкновенным энтузиазмом занялся их разведением, и в этой области он хотел создать что-то уникальное. Любопытнейшее письмо пишет этот удивительный человек своей старой матери, стараясь потешить ее: «Мои георгины выросли до пяти аршин и своей красотой восхищают весь Омск,

– «киргизы», киргизов – «каракиргизы» и т. п. для сохранения исторического колорита.

⁹ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 1750, л. 3.

¹⁰ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 1. С. 162.

что чрезвычайно радует мою хозяйку, которая гордится тем, что у нее такой мудрый постоялец, сумевший на горсточке песка сотворить такое чудо». И далее: «Очень жалею, что не могу послать маме изумительно красивый кактус, который только вчера расцвел, а сегодня стоит на окне и принимает поклонение от всех прохожих»¹¹.

Родных тем временем все больше тревожила судьба изгнанника. Брат его, эмигрант, встретился за границей с известным аристократом графом Демидовым и рассказал ему об Адольфе. Демидов принял живое участие в судьбе ссыльного и пригласил его в Нижний Тагил, пообещав создать условия для жизни и работы. «Ах, этот город на тысячу верст ближе к дому!» – это стало главным стимулом в его решении переехать в Нижний Тагил.

Как он потом пожалует об этом! «Пишут из Омска Ивашкевичи, они там все вместе, а я здесь совсем один». И окончательно он осиротел, когда управляющий Демидова, его соотечественник, внезапно умер. Просто страшно читать такие строки письма: от них веет безнадежностью и полным разочарованием в жизни.

«Януарий (брат. – Ф. С.) пишет мне о какой-то научной экспедиции, выбирающейся в наши края. Спрашивает, не смогу ли я стать в ней переводчиком? Не очень-то улыбается мне эта экспедиция! Прежде всего то, что, несмотря на всяческие там замыслы, – ничего из этого не выйдет; во-вторых, не при нынешнем состоянии моего здоровья таскаться по горам и лесам, подвергаться морозам Березова или Туруханска. Миновало то время, когда я любил и мог путешествовать; сегодня мне нужен тихий и теплый угол. Хватит с меня Сибири! Тот, кто подал Януарию мысль об этом якобы возможном для меня путешествии, не знал или, может быть, забыл, что завтра мне исполняется 50 лет, что, живя уже более двадцати лет в сибирском климате, я перенес десяток горячек, два воспаления легких и горла, три зимы сплошного ревматизма, и все это от холода»¹².

Увы, в пятьдесят лет он стал совершенно немощным и живет только письмами родных и друзей. Отправляя прах демидовского управляющего в Петербург, он перешел границу Азии и Европы, и это потрясло бедного изгнанника.

«Вот при этих-то обстоятельствах, – сообщает он, – таких для меня тяжелых, я впервые за столько лет имел возможность стоять на европейской земле, так как ездил до самой пристани на реке Чусовой и был даже 50 с лишним верст за столбом, на котором по-русски написано “Уральский хребет”, а выше большими буквами с одной стороны “АЗИЯ”, с другой – “ЕВРОПА”»¹³.

И все же, несмотря на плохое состояние здоровья, Янушкевичу хотелось работать. Ему наконец удалось получить должность библиотекаря на демидовском предприятии. Эта работа занимала все его время. Но зачем оно ему?

Только после смерти царя Николая вновь возродилась надежда, но, как пишет первый биограф Адольфа Янушкевича Феликс Вротновский, «когда царская рука подписывала помилование, смерть уже занесла свою руку над помилованным»¹⁴. У него открылась болезнь, которая быстро прогрессировала. Даже получив долгожданное «помилование», он не мог горячо радоваться ему: болезнь приглушила

¹¹ Там же. С. 168.

¹² Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 1. С. 189–190.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Там же. С. 226.

все чувства. Совершенно ослабевший, он выехал в июне из Нижнего Тагила и через месяц, в июле 1856 года, перешагнул родной порог. И слег. И менее чем через год по возвращении из ссылки его не стало.

После смерти Адольфа Янушкевича его закадычный друг и товарищ по ишимской ссылке Густав Зелинский при первой же своей поездке в Париж отвез младшим братьям Янушкевича – политическим эмигрантам – все письма и дневники Адольфа. Семья решила увековечить память о старшем брате и, отобрав некоторую часть дневников и писем, издала на свои средства книгу его путешествий. Почти половину ее занимала биография, написанная давним другом и коллегой Адольфа по Виленскому университету Феликсом Вротновским. На хорошей плотной бумаге очень небольшим тиражом книга вышла в 1861 году в Париже. Она называлась «Жизнь Адольфа Янушкевича». В первом томе была статья Ф. Вротновского, широко использовавшего личную переписку Адольфа, во втором – «Письма и дневники из путешествия по киргизским степям».

Через несколько лет, видя возросший интерес к книге, братья решили выпустить второе издание. Оно вышло в Берлине в 1875 году на польском языке, как и первое.

В Польше в журналах и некоторых отдельных изданиях порой упоминалось (очень кратко) о Янушкевиче, особенно тогда, когда издание было посвящено описанию жизни польских ссыльных революционеров в Сибири. Но писали, конечно, в основном о самом Янушкевиче, а не о книге. В России же до Октябрьской революции, то есть при царизме, дорога этой книге была закрыта. А потом о ней попросту забыли, многие же и совсем не знали.

В Польше в 20-х и 30-х годах несколько раз упоминалось имя Янушкевича в словарях, посвященных польским ссыльным-революционерам, однако о книге речь тоже не шла.

Лишь в 50-х годах нашего века работы молодого польского писателя и историка литературы Януша Одровонж-Пененжка о поэте-романтике Густаве Зелинском, об Адольфе Янушкевиче и других «сибиряках» (как называют в Польше ссыльных революционеров) привлекли к этой теме широкое внимание общественности. Сначала были переизданы (22-й раз!) в Варшаве избранные сочинения Густава Зелинского, куда вошла поэма «Киргиз» и другие произведения, затем в 1956 году в «Известиях Польско-Советского общества» была напечатана статья Я. Одровонж-Пененжка «История мицкевического Адольфа», где говорилось не только о Янушкевиче, но и о книге, и даже приводились интересные цитаты из «Дневников и писем».

И хотя том «Известий Польско-Советского общества» простоял на полке библиотеки в Алма-Ате неразрезанным до 1964 года, все же эхо этих публикаций докатилось до Казахстана: ныне покойная Ева Федоровна Симонова, работавшая в середине 50-х годов доцентом Казахского университета и имевшая связь с польскими учеными, напечатала в журнале статью, скорее заметку, о Янушкевиче¹⁵. Она цитировала те же выдержки из книги, которые напечатаны в статье Я. Одровонж-Пененжка, но так как Е. Симонова сама никогда не держала этой книги в руках, то, естественно, она настоящей цены ей не знала. И сама заметка эта не привлекла внимания общественности.

¹⁵ Симонова Е. Польский поэт-революционер о Казахстане // Советский Казахстан. 1958. № 1. С. 112–114.

Начав в 1963 году работать в области польско-казахских литературных связей в XIX веке – изучать творчество Густава Зелинского, я получила от Януша Одровонж-Пененжка изданную им (как составителем и автором вступительной статьи) в Варшаве романтическую поэму «Киргиз», которую поэт-революционер написал в Ишиме во время ссылки. Здесь я и прочла впервые упоминания о Янушкевиче и его книге. Книга эта меня сразу заинтересовала, и я решила отыскать ее, написав сначала в Польшу. Оказалось, что в Польше книга – библиографическая редкость, приобрести ее просто невозможно. Поиски в книгохранилищах Советского Союза сначала тоже были безрезультатны, но вскоре берлинское издание было обнаружено в коллекции «Россика» Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Спустя три месяца после получения известия об имеющейся в «публичке» книге, я с волнением держала два маленьких томика в серо-зеленой обложке. Быстро перелистываю страницы второго тома. Мелькают имена Кунанбая, султана Барака, султана Али, акына Орынбая... Уже беглый просмотр убедил меня, в том, что в руках я держу ценное свидетельство современника об интереснейшем периоде истории казахского народа, до сего времени не известное ни русским, ни казахским историкам. Доказательством этого является то, что книга Янушкевича не упоминается ни в одном библиографическом справочнике по истории Казахстана.

Вскоре появилась и другая задача: отыскать в архивах следы пребывания здесь ссыльных польских революционеров. Совершенно очевидно, что, поскольку полиция вела за ними секретное наблюдение, где-то должны сохраниться сведения и о Янушкевиче. Но где? В Омске? Или в других городах Сибири? Или в Казахстане? Один из историков, ныне покойный В. Ф. Шахматов, посоветовал обратиться в Центральный государственный архив Казахстана, так как, по его сведениям, там сохранились некоторые материалы Омской городской полиции, под наблюдением которой находился Адольф.

И снова волнения и переживания, понятные всякому исследователю, когда на страницах описи нужного мне фонда я увидела имена Янушкевича и его товарища по ссылке и работе Павла Цеплинского. Много интересного оказалось в этих с виду очень скучных серых папках.

Осмотр первой же из них, на которой было написано: «Дело о прошениях служащих Омского окружного суда Цеплинского и Янушкевича о приеме их на службу в Пограничное управление, начато 20 октября 1841 года, окончено 18 января 1842 года», вполне подтвердил это. В деле, включающем переписку начальников, тогдашних вершителей судеб политических ссыльных, были подшиты собственноручные заявления Янушкевича и Цеплинского о приеме их в Пограничное управление, написанные сухим канцелярским языком на официальных бланках под ненавистным им императорским орлом, оплаченные гербовым сбором.

Стоит здесь отметить, что хлопотал о переводе ссыльных к себе в канцелярию тогдашний пограничный начальник – полковник, а позднее генерал-майор Николай Францевич Вишнеvский, настроенный к польским революционерам весьма благожелательно. Несколько строк о нем в книге Янушкевича наводят на мысль о том, что Вишнеvский сам был польского происхождения.

Как бы там ни было, а симпатии Вишнеvского к двум новым служащим управления заходят так далеко, что он сразу же разрешает им, пользуясь «высочайшим

повелением», сделанным другому лицу – «государственному преступнику фон дер Бригену», получать большие суммы денег из Польши от родных, хотя и «должно следить за употреблением получаемых денег»¹⁶. Сам Адольф пишет в письме домой, чтобы сообщили брату о том, что он «может получать денежные пособия из дому прямо в свои руки и без всякого ограничения»¹⁷, хотя власти и следили (без его ведома) за их употреблением.

Наиболее интересной оказалась папка с делом, которое называлось «Дело о представлении Янушкевича и Цеплинского к наградам за беспорочную службу, начато 30 ноября 1843 года и закончено 1 марта 1845 года». Именно в этом деле заключены вспыхнувшие и разгоревшиеся ярким огнем надежды на освобождение. В письмах к родным Адольф обстоятельно описывает хорошее отношение к нему начальника, особенно после удачной командировки в казахскую степь летом 1843 года. Его даже повышают в должности – назначают «столоначальником», от чего он вынужден был отказаться из-за слабого здоровья, особенно зрения, ему выносят благодарность по службе.

В письме к матери он пишет: «Мои непрерывные труды, успешная работа и порядочное поведение обратили на меня взоры моих начальников, и я верю, что теперь не закончится только на благодарности, которую я получил в прошлом году. Пограничный начальник сделал на меня представление...»¹⁸ Именно это «представление» и заключено в упомянутой папке. Пограничный начальник не пожалел красок, чтобы описать работу и отношение к ней, а также поведение двух ссыльных – Янушкевича и Цеплинского, особенно первого. О нем в деле имеется такое заключение: «Исполняя поручения начальства по службе с постоянным усердием и ревностью, обратил на себя внимание и потому вполне достоин награды»¹⁹.

Янушкевич знает о представлении, с нетерпением ждет ответа, положительного, естественно. А дело тянется, долго лежат бумаги то у губернатора, то в Петербурге. И наконец приходит ответ, который мы читаем в этой же папке и от которого сразу сжимается сердце: в этом ответе нет ни слова, ни малейшего упоминания о Янушкевиче, как будто и не было о нем запроса на стольких листах! В бумаге, которая последовала в ответ на «представление» о ДВУХ ссыльных к награде – возвращению домой, речь идет только об ОДНОМ, Павле Цеплинском. Ему разрешалось покинуть Сибирь и отправиться на родину. Очевидно, такое «высочайшее повеление» можно объяснить только злой памятью царя Николая, отметившего в списке «мятежников и преступников» мужественно и смело державшегося на суде в Киеве Адольфа Янушкевича.

Янушкевич остался в Пограничном управлении один. И это сразу отражается на его письмах, хотя он и шутит порой, но шутит лишь для того, чтобы поддержать упавшую духом мать.

Случайно обнаруженное любопытнейшее дело (случайно потому, что, казалось, к Янушкевичу оно не имеет отношения) проливает некоторый свет на обстановку, в которой жили и работали «политические преступники». Дело это называется «о запрещении политическим ссыльным делать фотопортреты, начато

¹⁶ ЦГК КазССР. Ф. 374.

¹⁷ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 1. С. 116.

¹⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 1. С. 136.

¹⁹ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1.

28 января 1846 года, окончено 19 июля 1846 года»²⁰. Все документы дела помечены грифом «секретно». Начинается издавека: генерал Вишневецкий сообщает о том, что «некий отставной инженер-поручик Давинсон в проезд свой через Томск, снимал посредством дагерротипа портреты поселенцев из политических преступников...»²¹ Очевидно, это дало толчок к тому, чтобы ссыльные завели дагерротипы и, снимая портреты, стали посылать их своим далеким родственникам, «обращая на себя неуместное внимание», – как говорится в одном из документов дела, поскольку этот вопрос поднимается дважды – второй раз по требованию шефа корпуса жандармов в Петербурге!

Следует «справка», что в Управлении на службе состоит только один «государственный преступник» – Янушкевич. И вот уже экзекутор Пограничного управления, некий Стерлегов, «по секрету» сообщает в своем рапорте: «Вследствие указа оного Управления от 31 генваря за № 26 осматривал я в квартире служащего в Пограничном управлении канцеляриста Янушкевича и высказанных в указе как портретов его, равно и принадлежностей дагерротипов, не нашел, о чем Пограничному управлению имею честь донести»²².

Вопрос этот, как видно из переписки, поднимался не раз, ставился на заседании присутствия и, в конце концов, раз у Янушкевича ничего не найдено, то, чтобы он «имел об этом в виду и на будущее время, о том у него отобрана подписка». В конце цитируемого документа, после подписей членов присутствия, мелким почерком: «читал канцелярист Янушкевич»²³.

Омская городская полиция несколько раз в году представляла сведения о «политических преступниках», поэтому в делах указанного фонда есть много весьма однообразных сведений о Янушкевиче. Писали каждые четыре месяца одно и то же, видимо, и самим чиновникам надоедало писать то же самое без конца, поэтому случались забавные ошибки и описки. Вот, например, в деле, где хранятся формулярные списки чиновников Пограничного управления «сибирскими киргизами» за 1846 год, есть сведения об Адольфе Янушкевиче, а на обороте листа на вопрос графы, «из какого звания происходит», твердым канцелярским почерком записано: «Из политических преступников»²⁴.

Найденные в архиве материалы не только хорошо дополняют уже имеющиеся сведения о жизни и судьбе Янушкевича, но и, как мы увидим несколько далее, удостоверяют то, что он сообщает в своих записях.

Письма Янушкевича к родным и друзьям перемежаются дневниковыми записями. Это разнообразит книгу, письма позволяют вводить обращения, доверительный тон, что сообщает повествованию особую интимность, порой юмористическую окраску: он частенько подсмеивается над собой и над друзьями. В дневнике же Янушкевич как бы разговаривает сам с собой, дает оценку действиям царской администрации, русским чиновникам и богатым казахским аристократам, сочувствует бедным казахам-труженикам, с которых снимают шкуру и баи, и царские чиновники.

Вначале Янушкевич настроен несколько идиллически. Пройдя пешком через крепостную Россию, насмотревшись на страдания рабов, которые были просто

²⁰ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 58.

²¹ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 58, л. 1.

²² ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 58, л. 5.

²³ Там же. Л. 12 об.

²⁴ Там же. Д. 4174, л. 824.

вещью, собственностью богатых бар, он вдруг увидел свободно (как ему казалось!) разъезжающих по бескрайним просторам степей пастухов! Такая жизнь показалась ему поначалу просто раем! Но вскоре он увидел, что это далеко не так, что среди казахов есть бедные и богатые, что внутри племен идет междоусобная борьба.

С большой симпатией относится Янушкевич к простым пастухам, или, как он пишет, «номадам», находит у них богатые природные задатки, хотя видит и свойственные им недостатки. Он твердо надеется, что казахский народ в будущем займет «почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз»²⁵. Борясь против русского царизма, глубоко ненавидя его, он вместе с тем прекрасно понимал, что только вместе с русским народом казахи могут развивать прогресс и культуру, что вступление в российское подданство – лучший выход для казахов Большой орды, которым постоянно докучает их мятежный соплеменник султан Кенесары Касымов.

Особой выразительности достигает Янушкевич, рисуя колоритные образы родоначальников казахских племен, народных батыров, воспетых в фольклоре, таких, как султан Барак, поэтов-песенников Орынбая и других. Очень интересно, порой с некоторым сочувствием, показывает он отца великого Абая, Кунанбая, восторгаясь его великолепной памятью, вместе с тем видя его невежественное суеверие, хитрость и двуличие. Ему импонирует то, что Кунанбай из простонародья, что стал богатым наперекор султанам, кичащимся своей родословной от Чингисхана, и достиг могущества в результате своей одаренности.

Живо и непринужденно ведет свой рассказ Адольф Янушкевич, прибегая иногда – для большей точности своих записей – к переводческому мастерству толмачей. И хотя он сам неплохо знает казахский язык, он все же при помощи толмачей записал примечательное соревнование между двумя певцами степей – Орынбаем и Джанаем; с большим уважением рассказывает он о старом, всеми забытом, а когда-то широко известном поэте Тюбеке; он записал и передал прозой рифмованные строчки слепой поэтессы Джазык, весьма нелестно отзывавшейся о царских чиновниках и султанах своего племени, вместе угнетавших простой народ. По всему видно, что Янушкевич питает пристрастие к народному творчеству: легендам, песням, сказаниям – и с удовольствием записывает их в своем дневнике. Ярко и красочно описывает он байгу, устроенную в честь присоединения пяти племен Большой орды к России.

Большого мастерства достигает Янушкевич в описании природы. Пустыни, реки, озера, леса и особенно горы все время привлекают его внимание не только как любознательного человека, но и как художника. Кусты и травы, деревья и скалы, пение птиц, журчание ручьев, блеск молний и сияние радуг – для всех явлений природы и населяющего ее мира находятяся в его палитре щедрые краски.

И все это освещено великим светом гуманной души, ибо Янушкевич никогда не остается сторонним наблюдателем, а весьма активно вмешивается в то, что вокруг него происходит, и потом, всегда немножко с юморком, дает оценку многим событиям, своему поведению. При этом он часто привлекает латинские или французские слова и целые устойчивые обороты, готовые изречения, высокая серьезность которых приходит в полное противоречие с исполненным житейского обычного смысла явлением или поступком. Любитель поэзии, он часто

²⁵ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 2. С. 98.

цитирует стихи известных авторов, чтобы выразить переполняющий его душу восторг или страдание.

Все это делает дневники и письма Янушкевича неповторимым в своем роде произведением. Отпечаток его замечательной личности хранит вся книга. И нашим современникам доставит большое удовольствие знакомство с ним, а его высокие моральные качества и эрудиция вызовут к нему уважение.

Но всегда ли прав Янушкевич в своих действиях и поступках, верна ли его оценка исторических событий и лиц, которых он встречает в степи? Вот именно здесь и необходим конкретно-исторический подход к подобному свидетельству современника тех далеких событий первой половины XIX века.

По своему миропониманию Адольф Янушкевич – революционер, активный участник польского восстания 1830–1831 годов. Что представляли собой эти польские события, как их расценивать?

Убедительный ответ на эти вопросы дают работы классиков марксизма-ленинизма. В. И. Ленин в статье «Национальный вопрос в нашей программе», детально освещая польский вопрос, писал, что у Маркса мы можем найти правильную и подробную его характеристику. Говоря о революционных настроениях в Польше первой половины XIX века, «Маркс ссылался на особые социальные условия, в силу которых “Польша сделалась революционной частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически-аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии...”»²⁶. И, резюмируя приведенные высказывания К. Маркса из статей, напечатанных в «Новой Рейнской газете» в 1848 году, В. И. Ленин заключает: «Тогда революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы... Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Тогда Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии»²⁷.

Адольф Янушкевич был подлинным демократом своего времени, представителем именно такого революционного дворянства, с оружием в руках выходившего против российского самодержавия. Конечно, многого из того, что он наблюдал в Сибири и в казахской степи, он просто не смог понять по причинам исторически объективным. Тем выше мы оцениваем сегодня стремление Янушкевича помочь незнакомому ему народу, его желание быть объективным судьей, гуманным, доброжелательным из самых широких демократических побуждений.

Вместе с тем ненависть к царскому самодержавию, угнетавшему его горячо любимую отчизну, ненависть, к которой примешивалась всегда и глубокая неприязнь из-за личного горя, поскольку он был насильно отторгнут от семьи, друзей и привычной жизни, порой заглушала в его душе голос рассудка. Тогда он без конца рассуждает о высоких моральных и деловых качествах своих соотечественников, польских революционеров, эмигрантов и ссыльных, живущих в Сибири (и не всегда его доказательства повисают в воздухе!), не замечая их недостатков

²⁶ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 2. С. 98.

²⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 6. С. 416.

или стремясь простить и оправдать их, особенно в сравнении с худшими представителями царской администрации.

К чести Адольфа Янушкевича моментов необъективности в книге не так уж много, не так часто он выступает пристрастно, чаще в своих суждениях он стремится к объективности.

Характерно, что многие сведения из книги Янушкевича подтверждаются данными Центрального государственного архива Казахской ССР.

Например, когда во время съезда на Лепсе стал обсуждаться с вождями племен Большой орды вопрос о мятежном султানে Кенесары Касымове, то, как пишет Янушкевич, «пришли к тому, что помощи против Кенесары они не обещают, но поручились, что с ним не соединятся, и что он, увидев это, должен будет уйти от них. Стало быть – мир, и вся наша экспедиция закончилась без кровопролития»²⁸.

В архивных делах Пограничного управления «сибирскими киргизами» имеется документ, который подтверждает эту запись Адольфа.

«1846 года июня 23 дня, мы нижепоименованные султаны и бии Большой орды родов: дулатовского, абдановского, сивановского, чапрашевского и джалаирского, приложили свои печати и тамги в том, что по единодушном совещании нашем обще с старшими султанами Каркаралинского, Аягузского и Кокбектинского округов, в присутствии состоящего в должности пограничного начальника сибирских киргизов г. генерал-майора и Кавалера Вишневого мы положили с неколебимую твердостью: мятежного султана Кенесару Касымова и его приверженцев, пришедших на наши места, как нарушителя общественного спокойствия, считать врагом нашим, не иметь с ним никаких сношений, и, чтобы как он, Кенесара, так и его приверженцы, не находились на занимаемых нами местах; если же теперь, а равно и по удалении его от нас, заметим или услышим о враждебном его предприятии против киргиз Средней орды и особенно близлежащих округов, то обязуемся тотчас извещать их для предупреждения злодейских покушений мятежника»²⁹.

В дневниковой записи от 4 июля (23 июня по старому стилю) в книге Янушкевича мы находим такое сообщение: «Сегодня было заключено соглашение между киргизами Большой и Средней орды, чтобы жили между собой в согласии и мире»³⁰.

В том же архивном деле хранится копия документа от 23 июня 1846 года, где говорится о том, что «Большой орды султаны и бии родов дулатовского, абдановского, сивановского, чапрашевского и джалаирского единодушно» пришли к ряду постановлений, в том числе: «Будущее время обязуемся не делать между киргизами Средней орды противозаконных поступков, барантов, грабежей и краж и свято сохранять заключенную дружбу и мир между обоими народами»³¹.

Таких подтверждений можно найти немало. Это свидетельствует в пользу автора записок. А с другой стороны, обнаружение в делах Омской полиции и Пограничного управления многочисленных записей и документов о Янушкеви-

²⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 2. С. 145–146.

²⁹ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 5085, лл. 5 и об., 6.

³⁰ Жизнь Адольфа Янушкевича. Т. 2. С. 144.

³¹ ЦГА КазССР. Ф. 374, оп. 1, д. 5085, лл. 7 и об.

че как бы придало его образу, такому далекому и туманному, черты ясности: он становится реально ощутимой личностью.

Особенно живым представляется он тогда, когда описывает все мелочи трудного похода, в котором участвует, называет пункты, где экспедиция останавливается на ночлег или отдых, подробно обрисовывает их, высчитывает, сколько верст пройдено, сколько осталось пройти...

Все это упрямо наводило на мысль: а где же именно прошла эта экспедиция по каким местам? Ведь тогда на юг от Аягуза не было ни городов, ни поселков, только более или менее длительные стоянки казахских племен... И чем дальше к горам Ала-Тау, тем пустынное были места... Можно ли руководствоваться географическими названиями, которые приводит Янушкевич, можно ли проложить его маршрут на современной карте Казахстана?

* * *

Для выполнения этой задачи летом 1965 года мной была предпринята поездка по местам, где предположительно прошла экспедиция генерала Вишневого. Особенно заманчивым представлялось решение такой исторической загадки: где-то на реке Лепсе, в таинственном урочище Ой-Джай-тау произошло присоединение пяти племен Большой орды к России. Ни на одной карте не было названия этого урочища. Так где же все-таки произошло это присоединение? Пусть даже после этого события прошло 120 лет...

Наносить на карту маршрут, данный лишь в описании человеком в этих местах чужим, как пришлось убедиться, – дело очень и очень сложное.

Начало маршрута от Омска через Семипалатинск к Аягузу интереса не представляло: путешественники ехали проторенной дорогой, трактом, по которому возили почту и указы начальства в приказы Средней орды. Дальше места шли совсем глухие – старые караванные тропы на Кульджу, на Чугучак, а чаще вовсе бездорожье.

Сильно затрудняла дело неточность географических названий; книга набиралась с листочков, написанных весьма неразборчивым почерком автора³². Выправлять корректуру книги было некому: Адольфа давно не было в живых.

Приведу хотя бы такой пример. Между реками Каракол и Урджар Янушкевич называет реку Игеу-су; на самом же деле эта река называется Егинсу. Автор записок упоминает реку Чынчы-лы, а речь идет о реке Чинжала.

Таких расхождений много, они доставили переводчику особенно много неприятностей при расшифровке названий казахских родов.

Из Аягуза экспедиция шла, как уже было сказано, на юг, «оставив справа реку Аягуз, текущую к озеру Балхаш»³³, и вышла к горе Чингужи (современный населенный пункт Шингожа), где и стала на ночевку. На второй день перешли через речушку Аи и вышли к источнику Карабулак. Действительно, и речка Аи, и источник Карабулак в верховьях реки Каракол есть на карте. У источника они провели вторую ночь. Тронувшись в путь на следующее утро, они «увидали слева Тарбагатай, а прямо перед собой – горы Ала-Тау».

³² Польский историк литературы Я. Одровонж-Пененжек, получивший доступ к парижским архивам Янушкевича, рассказывал, что он сидел, часами уставившись в одно слово, разбирая его по буквам.

³³ Все эти коротенькие цитаты даются из текста книги, читатель в этом легко может убедиться, поэтому сносок не даем.

Янушкевич восторгается открывшимися картинами. Правда, перед путешественником встают в далекой дымке, словно призрачные, воздушные серебристые вершины Джунгарского Ала-Тау. Величественное зрелище! Слева мрачно насупились стоящие какими-то большими глыбами Тарбагатайские горы. Где-то здесь, по-видимому, проходила экспедиция генерала Вишневого. Как она пошла дальше? Что касается нас, то выбирать нам было не из чего: автомобильная дорога уходила немного вправо, по западному берегу Сасык-Куля, далее – по краю песков Сарыкум к отрогам Джунгарского хребта. В конечном счете, дорога выводила к реке Чинжала, куда вышла и экспедиция.

То ли за 120 лет произошли изменения, то ли сместились у людей понятия из-за проложенных асфальтированных дорог, но только, по моему мнению, которое я здесь высказываю не без тайной робости, вопреки мнениям местных авторитетов, экспедиция, перейдя реку Каракол, пошла влево, северо-восточнее камышей Сасык-Куля, устремляясь к перешейку между озерами Сасык-Куль и Ала-Куль.

Дело в том, что при обсуждении с местными товарищами возможных путей экспедиции было выдвинуто три варианта перехода участка пути от реки Каракол к предгорьям Джунгарского хребта. Именно:

I. Переход северо-восточнее обоих озер, в районе Джарбулака, по мертвым пескам. Не доходя до Джунгарских ворот, участники должны были пересечь старую кульджинскую тропу, а там – по ущельям, мимо источника у подножия одной высокой горы – к верховьям Лепсы.

Этот вариант скоро отпал, так как при просмотре этого района сверху стало ясно, что таким трудным путем они не могли пройти, да и расстояние почти вдвое длиннее указанного в сводке.

II. От Каракола – северо-восточнее озера Сасык-Куль, мимо Уялы-Куля по перешейку, мимо западной оконечности озера Ала-Куль; далее на юг, забирая чуть на запад.

Этот вариант был встречен возражениями из-за полной якобы непроходимости около озера Сасык-Куль, где много камышей. «Там и машины-то не ездят никогда!» (А если верхом? А если 120 лет назад?)

III. От Каракола, не переходя его, – к востоку, по камышам возле западной оконечности Сасык-Куля, откуда они увидели единственный остров Арал-Тобе, а потом по краю песков Сарыкум до горы Сайкан. Этой дорогой я ехала на машине в жаркий июльский день.

Сайкан маячила вдалеке за синей дымкой, словно призрак на краю пустыни.

И вначале я согласилась с этим третьим вариантом, который действительно предлагали мне местные товарищи. Но тогда, значит, Янушкевич не видел Ала-Куля, видел только Сасык-Куль?! А разве можно написать такие строки, какие он написал об этом озере: «За его величину и великолепие мы утвердили почетное звание “тенгиз”, данное ему киргизами!»

После долгих раздумий я пришла к выводу, что самым правильным является второй вариант, то есть что экспедиция прошла по перешейку между озерами. Конечно, и у этого варианта есть, как сказал бы сам Адольф Янушкевич, свои «про» и «contra»!

Вот что сообщает он о третьем дне путешествия:

«После четырех часов марша отдыхали над Караколом, речкой в прекрасной зеленой долине». Но уже появились «солонцы, следы отступления моря, которое

нынче представляют ала-кули (озера)». Я привожу слова эти, как говорится, с дальним прицелом. Очевидно, для Янушкевича в силу и тогда существовавшей теории все эти «ала-кули» были когда-то одним большим озером, морем... Далее мы читаем: «С часу до восьми на марше», то есть они идут, не отдыхая, семь часов, что с пройденными до привала четырьмя часами составляет 11 часов пути. Заночевали в «камышях Ала-Куля». Точнее, вероятно, Сасык-Куля.

На четвертый день начинаются, пожалуй, с точки зрения защиты второго варианта пути самые интересные заметки. Янушкевич пишет, что «баши хотел провести нас ближайшей дорогой, то есть через камыши, но так завяз в болоте, что едва смог выбраться... Он не растерялся и объяснил все тем, что море увеличилось, потому что сорок лет назад он не только само болото, но и брод переходил не один раз без всякого ущерба. Поэтому, не тратя времени, мы подались более длинной, но вполне надежной дорогой, мимо дебрей камышовых зарослей, обход которых занял у нас пять часов». Обход! Назад они не возвращались, поэтому и попасть на западный берег Сасык-Куля не могли. Да и расстояние не позволяет нам сделать такой вывод: ведь они шли только пять часов. Нет основания и не верить бывалому человеку – баши, который говорит об изменениях, произошедших возле озера за 40 лет. А что произошло за 120?!

Следовательно, обойдя с севера камышовые дебри, двигаясь к востоку, путешественники вышли прямо к озеру Ала-Куль, очевидно, где-то в районе нынешнего поселка Рыбачье, ниже его к югу.

Что касается «брода», то именно это слово наводит на мысль, что они шли по перешейку. Там сейчас протоки, соединяющие озера с рекой Урджар и между собой.

Когда путешественники выскочили к озеру, оно ошеломило их своей красотой. Такое впечатление они могли вынести лишь от озера Ала-Куль. И хотя я смотрела на озеро с другого пункта – из Джарбулака, все равно оно великолепно, ходят по нему огромные волны, украшенные белыми гребнями, песчаный берег, крутой обрыв к песку, вдали скалистый остров. Все это делает весь пейзаж похожим на приморский, тем более, что противоположного берега озера совершенно не видно!

Янушкевич пишет, что они увидели «единственный остров, несущий на своих плечах дикую мрачную островерхую гору Арал-Тобе...».

На Ала-Куле два острова. Но с той точки, откуда глядел Янушкевич, он видел только один – Улькен, который полностью закрывает второй остров. Потому что на Сасык-Куле хотя и «единственный» остров, он совершенно плоский. Никакой островерхой горы на нем нет.

Но вернемся к Янушкевичу. Уставшие люди, верблюды и кони спустились «на берег доступного в этом месте Ала-Куля», здесь они купались в озере и отдыхали перед переходом через пустынные места.

Пожалуй, лучшим доводом «рго» этого варианта маршрута является совпадение расстояния, пройденного экспедицией, с километражем пути, проложенного по этому описанию на карте. Ведь расстояние не может ни увеличиться, ни сократиться, хоть пройдет тысяча лет. Сводка, помещенная в дневнике от 20 июня 1846 года, содержит такую запись:

«3. Над рекой Каракол – 24 версты. Мимо камышей Сасык-Куля, около Уялы-Куля, а в общем около Ала-Куля – 42 версты.

4. Обход камышей до Ай-Тобе – 24 версты. До источников в ущелье у горы Сайкан – 60 верст».

Указанные здесь пункты никогда не могли бы быть названы, если бы экспедиция прошла по западному берегу озера Сасык-Куль.

Может быть, единственным «темным местом» этого варианта является то, что Янушкевич нигде не упоминает реку Тентек, не говорит о переправе через нее, хотя, идя этим путем, они должны были ее совершить. Можно только предполагать что здесь упоминание этой реки просто опущено, поскольку дневниковые записи приведены в книге не полностью, а по выбору издателей, вполне случайному. В сводке упоминается река Чинжала, являющаяся притоком Тентека, и впадает она в него в тех местах, где они по этому варианту появились, идя от озера Ала-Куль. Янушкевич мог принять нижнее течение Тентека за реку Чинжалу.

Пустыни, как ее описывает Янушкевич, в этих местах теперь (я подчеркиваю «теперь») нет, местность, однако, очень грустная, много могильников, о которых он упоминает, солонцы. Переночевав у подошвы горы Сайкан, путешественники поехали по левому берегу реки Чинжала, красивыми местами, и спустя несколько часов, после 50 верст пути, стали на ночь. С утра, повернув от реки, прошли урочище Каргалы, а оттуда, отмахав еще 20 верст, вышли к месту будущего лагеря в урочище «Ой-Джай-тау» на реке Лепсе. Ох уж это «Ой-Джай-тау»! Сколько мучений мне доставило это географическое название, не показанное ни на одной карте, даже очень старой, даже очень крупномасштабной! И ведь никто из местных старожилов такого названия и не помнил.

Путешествие «по следам Янушкевича» привело меня на Лепсу, в район селения Лепсинск, лежащего в прекрасной долине, по которой многочисленными ручейками весело бежит Лепса. Долина показалась мне особенно красивой, когда я поднялась на перевал, ведущий в урочище Уйгентас. Глубоко внизу виднелись домики, окруженные полями цветущего сейчас бледно-сиреневого, почти белого, мака, то тут, то там сквозь густую зелень цветов и деревьев проблескивала река, вдали вздымались голубоватые заснеженные хребты Джунгарского Ала-Тау. Как все похоже на то, что описывал Янушкевич!

С книгой в руках я бродила по берегам Лепсы, словно река могла мне что-то подсказать... Но подсказала мне сама книга Янушкевича. Вчитываясь снова и снова в текст, я вскоре обратила внимание на то, что в одном географическом названии есть ошибка. Адольф сообщает, что неподалеку от стоянки экспедиции в Лепсу впадает река Ахана-Катла. На самом же деле река эта называется Агыныкатты! И тут меня словно осенило: а нет ли подобного рода ошибки в замучившем меня названии урочища? Дело в том, что написание польской буквы «Т» и твердого «Л» очень сходно, а если у человека неразборчивый почерк, то вообще невозможно будет разобрать, какая из двух этих букв написана. И если ошиблись в слове «Агыныкатты», написав вместо «Т» букву «Л», то разве не могло случиться наоборот? А если исправить ошибку, то получится «Ой-Джайлау», то есть «Низкое пастбище». А в этом есть смысл!

Вернувшись в Лепсинск, я подошла на улице к очень древнему на вид старику и спросила:

– Аксакал, это место раньше как называлось?

– Это? Лепсинск.

– Нет, раньше. Давно?

– Старики говорили «Ой-джайлау»... «Чубар-агач ой-джайлау»...

Так вот где 120 лет назад стоял лагерь экспедиции, вот какой долиной восторгался Адольф Янушкевич!

И я уже по-новому осмотрела место, лежащее вокруг меня. И сразу стали находиться доказательства правильности моей догадки. Обратимся к книге Янушкевича.

«Над нами горы, покрытые пихтой, березой, тополями; в ущельях яблони джигида, иргай, разные кусты с ягодами (чубар-агач!). По-над этими горами еще более высокие, покрытые сосновым лесом, а над ними возвышаются еще одни – в облаках, где царит вечная зима. Перед нами Лепса, журчащая по камням в несколько русел. Всюду трава по колено» (Ой-Джайлау!).

Второе, очень важное свидетельство. Янушкевич пишет, что ездил на прогулку к месту впадения реки Агыныкатты в Лепсу, и Лепса уходит там в скалистые горы. Сейчас местные жители называют эти скалы, куда устремляется Лепса, «щеки». Здесь удивительно красиво, «щеки» находятся в 6–7 километрах от Лепсинска. Это совпадает с сообщением Адольфа, пишущего, что он проехал около 15 верст (туда и обратно).

Описывает автор еще одну прогулку – в верховья Лепсы. Он утверждает, что деревья там в несколько обхватов. И правда, жители Лепсинска говорили мне, что село построено из леса, срубленного именно в верховьях Лепсы. И сейчас там растут огромные деревья.

Выйдя как-то утром на прогулку, Янушкевич заметил, что «казак копал печку, и я увидел состав земли: чернозем на глине». В Лепсинске слой чернозема лежит действительно на глине.

Косвенные подтверждения этим предположениям, которые, впрочем, дороже всяких прямых, нашлись в интересной книге известного писателя Сергея Маркова «Идущие к вершинам». С. Марков пишет, что в этих местах в 1856 году (десять лет спустя после Янушкевича) побывал Чокан Валиханов. Он ехал из другого пункта, переправившись через реку Теректы (ее также упоминает Янушкевич, который туда ездил на прогулку) и уже известную нам Агыныкатты. С. Марков в своей книге пишет: «От Теректы надо было преодолеть несколько пологих перевалов, прежде чем начать спуск в долину реки Лепсы, где раскинулась окруженная горами Чубар-Агачская станица – будущий Лепсинск... Чубар-агач был основан за два года до приезда Чокана сотней десятого казачьего полка. Затем в долину пришли триста семей тобольских крестьян. В 1856 году поселение продолжали строить»³⁴.

Можно считать, что пока селения не было (во времена приезда туда Янушкевича), местность называлась Ой-Джайлау, а со времени создания поселения стали называть Чубар-Агач.

Перед самым приездом экспедиции в Ой-Джайлау туда прибыл отряд офицера Бозачинина с двумя артиллерийскими орудиями (пикет). Не потому ли маленькая речушка на левом берегу Лепсы, у подножия гор, называется сейчас Бикетка?

В урочище Ой-Джайлау была еще летняя кочевка султана Буленя; об этом мы находим упоминание у Янушкевича: «Стали на берегу чарующей Лепсы, у султана Буленя...» Не потому ли маленькая речка под горой называется Буленька? Во всяком случае, старожилы не знали, почему она так называется, но со мной согласились.

³⁴ С. Марков. Идущие к вершинам. Алма-Ата, 1963. С. 76

Итак, нынешний Лепсинск – это то самое урочище Ой-Джайлау, где 4 июля 1846 года произошло добровольное присоединение к России пяти родов Большого жуза.

Отсюда несколько недель спустя после прибытия вся экспедиция тронется в обратный путь. Потом она разделится на два отряда: одни во главе с генералом поедут прямо домой, а другие во главе с Виктором Ивашкевичем отправятся к Тарбагатайским горам, к китайской границе. Каким путем они пойдут? Трудно сказать. Здесь только стоит привести в защиту второго варианта пути экспедиции к Лепсе слова из книги Сергея Маркова, который пишет, что «из Чубар-Агача к Ала-Кулю не было иного пути, как на урочище Кызыл-Джар, реку Чинжалу и Тентек... За горами Сайкан барханами и гладкими солонцами лежали плоские берега Ала-Куля, разделенного перешейком на два озера – Западное и Восточное»³⁵.

Если не было другого пути, значит, они шли туда и обратно по одному маршруту. Сейчас об этом говорить трудно. Во всяком случае Янушкевич пишет брату: «Мы поедем мимо озера Ала-Куль на вершины Тарбагатая».

Поэтому через некоторое время он очутился в пустынных местах, где протекали реки Каракол, Егинсу, наконец, Урджар, несколько его русел, идущих по пустыне. Что там теперь?

Теперь в том месте, где Янушкевич переезжал одно за другим несколько русел Урджара, большой районный центр Урджар, к которому ведет чудесное, осененное тенистыми деревьями шоссе. В самом центре кипит стройка, на улицах много машин, подъемные краны.

Всюду, где раньше была пустыня, бесплодные пески, там лик земли изменился: едешь не по караванной тропе, а по бетонированной дороге, вдоль которой сплошь да рядом волнуются хлеба, высоко в горах светят белые юрты, где по вечерам люди собираются послушать радио. Днем на пастбищах ходят отары, колхозники косят высокие травы, тяжелые молоковозы спускаются в долины со своим грузом...

И теперь не нужно дня, чтобы пересечь пустыню Дала, а всего один час на машине по хорошей дороге. А из районного центра Андреевка, расположенного на реке Чинжала, добраться до Лепсинска можно за два часа. Селение Лепсинск, уютно расположившееся в Ой-Джайлау, – это беленькие домики и большие дома, где помещаются правление совхоза, библиотечный техникум, магазины, школа.

Чокан Валиханов писал в 1856 году: «Чубар-Агач – едва ли не лучшее место в хозяйственном отношении во всей юго-восточной половине степи»³⁶.

Благодатный край! Недаром им так восторгался Адольф Янушкевич.

Книга его – это прошлое казахских гор и степей, картина того, что было 120 лет назад, нарисованная рукой друга. И как всякое прошлое народа, который хочет расти и идти вперед, она должна быть ему дорога. Ведь теперь, 120 лет спустя, есть с чем сравнить, увидеть, как далеко ушли те, кому Янушкевич еще тогда предсказывал «почетное место» в кругу других народов. И даже тогда, когда картины, нарисованные автором, горьки и страшны, что ж, тем заметнее перемены к лучшему, свершившиеся за годы Советской власти.

³⁵ С. Марков. Идущие к вершинам. С. 76.

³⁶ Цит. по кн.: С. Марков. Идущие к вершинам, стр. 76.

Книга Янушкевича – произведение удивительное, привлекающее богатством чувств и мыслей самого автора, огромным самообладанием и мужеством человека, писавшего в условиях горького существования узника самодержавного режима. Она привлекает пылким свободолюбием, безусловной честностью, наконец, разнообразием интересов и познаний.

Польско-казахские литературные и культурные связи, завязавшиеся в первой половине XIX века при помощи ссыльных польских революционеров, позднее были поддержаны великим казахским просветителем Абаем, посвятившим прекрасное стихотворение польскому пленному генералу.

В наше время эти связи окрепли. Польские писатели не раз бывали в Краснице Алма-Ате, писали о Казахстане. Тадеуш Гождзикевич, приезжавший к нам летом 1965 года, опубликовал в Польше серию статей, посвященных своей поездке в Казахстан, писатель и историк литературы Януш Одровонж-Пененжек, приезжавший осенью того же года, напечатал ряд интереснейших материалов, посвященных жизни и искусству казахского народа. На казахский язык переведены две поэмы Г. Зелинского «Казах» и «Степи».

Пусть эта книга А. Янушкевича станет в ряд с теми произведениями, которые способствуют дружбе двух народов.

Особую благодарность я хочу выразить Л. Ауэзовой, ныне покойному Е. Исмаилову, И. Андроникову и А. Жовтису, которые своими советами помогли мне в работе над книгой, поддерживали в трудные минуты.

Алма-Ата, 1966 год

Стеклова Фаина Ивановна, преподаватель, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы (1962–1966 гг.) КазГУ им. С. М. Кирова, окончила литературный факультет Калининского государственного педагогического университета, защитила кандидатскую диссертацию по раннему творчеству А. Мицкевича в 1949 г. Ее постоянным научным приоритетом стала тема межнациональных литературных связей. Известна исследованиями биографий и творческого наследия Г. Зелинского и А. Янушкевича.

